DOI: 10.22250/2072-8662.2019.1.59-66

Калинина О.В.

Локальная модель религиозного воспитания в секулярном государстве на примере Печорского района Псковской области во второй половине XX – начале XXI вв.

Аннотация. Статья посвящена результатам исследования трансмиссии религиозной традиции в локальном сообществе после Второй мировой войны. Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в этнографических экспедициях 2007–2017 гг., и архивных материалах. На примере населения Печорского района Псковской области, находившегося до 1940 г. вне сферы государственной атеистической идеологии, рассматриваются способы передачи религиозных норм и практик в советский и постсоветский периоды. Во-первых, это межличностная коммуникация внутри семьи (старшие – младшие) и в церкви (священник – прихожане). Во-вторых, имплицитное влияние внешней обстановки – действующих храмов, Псково-Печерского монастыря, устойчивой системы воспроизведения населением религиозных традиций. Советская педагогическая система подразумевала доминирование общественного воспитания над домашним, однако не смогла полностью исключить детей из сферы местной церковной культуры: они продолжали принимать участие во многих религиозных практиках в условиях отсутствия систематического религиозного образования и общего размыивания религиозной идентичности. Воспитательные ресурсы Псково-Печерского монастыря начали реализовываться сразу после демократизации общества в 1980-х гг. В конце XX – начале XXI вв. монастырь выступил значимым актором процесса внедрения религии в местную образовательную систему: как в виде факультативных уроков вероучения, так и в широком контексте духовно-нравственного воспитания.

Ключевые слова: религиозное воспитание, православие, религиозные практики, секулярное государство, Псково-Печерский монастырь, традиция

Olga V. Kalinina

Local Pattern of Religious Education in the Secular State: On the Example of the Pechersky District of the Pskovskaya Oblast in the Late 20th – early 21st Centuries

Abstract. The article deals with results of research on transmission of religious tradition in local community after the Second World War. The research is based on field materials collected by the author in ethnographic expeditions of 2007–2017 and archive materials. It examines the ways of transmission of religious norms and practices on the example of the population of the Pechersky District of the Pskovskaya Oblast situated outside the sphere of state atheistic ideology until 1940. First it's interpersonal communication within family (seniors-juniors) and in church (priest-parishioners). Second it's implicit influence of environment – acting churches of the Pskovo-Pechersky Monastery and sustainable reproduction of religious tradition by local population. The Soviet educational system implied predominance of social education over domestic one, but it couldn't completely exclude children from the local ecclesiastical culture; they continued to participate in many religious practices even in conditions of absence of systematic religious education. The educational resources of the Pskovo-Pechersky Monastery started to develop immediately after the democratization of society in the 1980s. In the 20th – early 21st centuries monastery functioned as important actor of religion's integration in local educational process both in form of optional catechism lessons and broader context of spiritual-ethical education.

Key words: religious education, Orthodoxy, religious practices, secular state, Pskovo-Pechersky Monastery, tradition

Калинина Ольга Владимировна – научный сотрудник отдела этнографии Северо-Запада России и Прибалтики, Российский этнографический музей; 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1; kalinina_ol@mail.ru

Olga V. Kalinina – researcher at the Department of North-West Russia and the Baltic Region; Russian museum of ethnography; 4/1 Inzhenernaya str., St-Petersburg, Russia, 191186; kalinina_ol@mail.ru

Изучение религии в контексте традиционной культуры является одним из ведущих направлений научно-экспедиционной деятельности Российского этнографического музея (Санкт-Петербург). Результативным способом изучения отдельных религиозных практик является полевое исследование локальных сообществ с применением методик опроса, наблюдения и историко-сравнительного анализа [Религиозные практики, 2006, 3–16; State Secularism, 2012]. В 2007–2017 гг. в рамках изучения этноконфессиональной истории Северо-Запада России автором статьи проводилось исследование в пограничном с Эстонией Псковском регионе, культурным и религиозным центром которого является православный Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь [Фишман, 2008, 45–49]. Особое внимание было уделено вопросу о религиозном воспитании в контексте локальной истории. Было взято около 140 интервью у местных жителей 1920х–2000-х годов рождения – как русских, так и представителей финно-угорской этнической группы сету (сету).

Для раскрытия заявленной темы необходим краткий исторический экскурс. В начале XX в. г. Печоры и его окрестности входили в состав Псковской губернии. Население, представленное русскими и сету («полуверцами»), исповедовало православие¹. Религиозное воспитание населения осуществлялось на уровне государства в ключе идеологии «Православие. Самодержавие. Народность» с опорой на систему церковно-приходских школ и патриархальные семейные устои. Этнографические наблюдения, сделанные в Псковской области в конце XIX в., позволяют составить общее представление о строгости соблюдения постов, посещении храмов, крестных ходах, домашней молитве и приучении к ней детей «с раннего детства» [Русские крестьяне, 2008, 295–296; Kallas, 1895, 84–89]. Устные свидетельства информантов 1920-х г.р. подтверждают актуальность этих практик в 1920–1940-е гг. – период нахождения Печорского края в составе независимой Эстонской республики. *«Перед тем как кушать, отец перекрестится, читает “Отче наш” и читает поминальце, которым уже умершие. И ребята тоже в колени все туда»* (М.П., сету, 1921 г.р., д. Соколово, 2013 г.). По решению референдума 1923 г. предмет вероучения в школах Эстонии был оставлен как необязательный. Для жителей Печорского края, ратовавших за сохранение школьного Закона Божия, преподавание религии представлялось необходимой составляющей воспитательного процесса. В интервью старожилы постоянно апеллируют к «эстонскому времени» как периоду воцерковлённости и «религиозной грамотности». Во время немецкой оккупации (1941–1944 гг.) дети продолжали получать религиозные навыки дома, в школе и от духовника. Государственная идеология СССР, в состав которого Печорский край вошёл в 1940 г. как составная часть Эстонии, а в 1945 г. как район Псковской области, подразумевала иную модель выстраивания взаимоотношений внутри системы церковь–школа–семья.

Одной из главных задач советской педагогики являлось ограждение детей от церкви и «буржуазного» влияния родителей [Федоров, Челышева, Мурюкина, 2015, 12–13]. Тезис о том, что *«верующие родители вредно влияют на детей и мешают формированию коммунистического мировоззрения»* постоянно звучал на организационных собраниях педагогических коллективов Печорского района в 1960-е гг. [ГАПО, ф. Р-1776, оп. 1, д. 120, л. 5]. Наличие *«большой церковной сети»* и *«активная деятельность священнослужителей, оказывавших влияние на молодёжь во время проповедей и бесед»* регулярно отмечались в отчётах уполномоченных по делам религий в Псковской области [ГАПО, ф. Р-1776, оп. 1, д. 185, л. 16]. За период 1940–1991 гг. в Печорском районе было закрыто только 3 храма из 17-ти и никогда не закрывался Псково-Печерский монастырь [Калинина, 2018, 255]. Не разрушенная система церковных приходов способствовала сохранению религиозной традиции.

Основную модель поведения местного населения в отношении религии в советский период можно описать следующим образом: *«всё делалось, но делалось втихаря»*. Вопрос о крещении детей в абсолютном большинстве случаев решался положительно. Во избежание официальной процедуры регистрации таинство осуществлялось по договорённости со священником на дому или в церкви за закрытыми дверями ранним утром (например, в 5 часов утра). Дошкольный период ребёнка протекал в большей степени под влиянием матери и неработающих старших членов семьи (бабушек, дедушек), активно включавших отпрысков в собственные устоявшиеся

религиозные практики: «Нас, конечно, крестили и водили причащаться» (Х.М., сету, 1959 г.р., Новый Изборск, 2008 г.). Отцы, состоявшие в Коммунистической партии, в церковь не ходили, но и не препятствовали (за редким исключением) прививанию детям начатков религиозного знания. Приходской храм и монастырь, воспринимавшиеся детским сознанием обязательной составляющей местного культурного ландшафта, оказывали сильное имплицитное влияние на визуальном и аудиальном уровнях. Характерным свидетельством такого воздействия является сообщение одной из информанток, некрещёной и воспитанной семьёй вне церкви, однако имевшей в раннем детстве чёткое представление о возможной помощи молитвы и крестного знамения (Е.В.Ц., русская, 1965 г.р., Печоры, 2016 г.). В качестве ещё одного примера можно привести высказывания воспитателей детского сада № 1, расположенного у стен Псково-Печерского монастыря: «*дети видят исполнение религиозных обрядов*», замечают «*как крестятся прохожие*», «*своеобразие в одежде и поведении монахов*», спрашивают: «*Почему это поп?*» «*Что он делает?*», «*Где работает?*» [ГАПО, ф. Р-1776, оп. 1, д. 120, л. 6–7]. Для сельских детей, чьё детство протекало в непосредственной близости от храма, моделью религиозного поведения являлась семья приходского священника. В абсолютном большинстве домов сохранялись иконы, в некоторых семьях практиковалось совместное чтение Евангелия по воскресеньям и во время постов. Вместе с тем, во второй половине XX в. практически полностью исчезли практики домашней совместной молитвы перед едой, многочисленные земные поклоны перед иконами и осенение себя крестным знамением при входе в дом. В 1960–70-х гг. внешние проявления религиозности вне церковного пространства воспринимались как архаика, уместная лишь для стариков. Одна из жительниц г. Печоры приводит анекдотическую ситуацию из своего детства, когда приезжавшие из местных деревень родственники крестились при входе в дом на передний угол, где вместо икон у хозяев висел портрет поэта С. Есенина (А.Н.К., русская, 1958 г.р., Печоры, 2016 г.). О внутренней религиозной жизни родителей дети могли догадываться лишь по некоторым её неярким проявлениям: «*Иной раз мама помолится, как-то так полушёпотом*» (А.Н.К., русская, 1958 г.р., Печоры, 2016 г.). Таким образом, несмотря на смену парадигмы, религиозное сознание сохранялось в условиях отсутствия его явной визуализации.

В интервью информантов чётко прослеживается мысль о возможности родителей «*распоряжаться детьми по своему усмотрению*» до достижения теми семилетнего возраста. Далее менторские обязанности брала на себя школа. Натальный крестик, полученный ребёнком при крещении, снимался и хранился родителями дома. Анализируя свою преподавательскую деятельность в 1960–1970-х гг., бывшая учительница печорской эстонской школы, основными учениками которой были сету, сравнивает религиозную ситуацию в Печорском районе и в соседней Эстонии:

«*Эстонцы очень спокойно относятся к религии. Поэтому никакой борьбы в Эстонии атеистической не было. Но в Печорах, конечно, в школе на первом месте – это атеистическая работа*» (К.М., 1935 г.р., Печоры, 2016 г.). Для педагогов она заключалась в обязательном подчёркивании на уроках факта «отсталости» религиозных взглядов, негигиеничности многих религиозных практик, несовместимости морали советского человека с церковью. В планах работы школ обязательно значилась «организация по классам беседы на тему о вреде религии» перед крупными церковными праздниками [ГАНИПО, ф. 450, оп. 1, ед. хр. 16, л. 17]. Учителям же в обязанность вменялось дежурство с красными повязками на рукавах у стен церкви/монастыря во время ночного пасхального бдения и храмового праздника Псково-Печерского монастыря Успения Богородицы. Составлялся пофамильный список

Илл. 1. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 2007 г., фото автора.

учеников, нарушавших предписание, отмечался факт их присутствия в церкви с родителями или без. Социальный статус педагога был выше статуса родителя, и теоретическая возмозможность физического препятствия родителям провести ребёнка с собой в храм считалась нормой, однако нередко входила в противоречие с морально-этическими установками самих педагогов. В системе «учителя – трансляторы государственной идеологии; ученики – ключевые агенты социальных изменений» [Келли, 2004, 117; Маслинский, 2015, 63] каждая сторона играла свою роль в соответствии с негласной логикой советского двоемыслия. Риторика официального выговора «Как вы могли? Да вы же пионеры!» зачастую воспринималась обеими сторонами как необходимая формальность. В действительности религиозная идентичность проявлялась не в факте присутствия на многолюдном празднике. Если верующие родители хотели отвести школьника в церковь, они могли это сделать не в Печорах и не на виду у всех. Конечно, были семьи (из духовенства, приезжих верующих), дети которых открыто ходили в храм, но и в пионерском движении они не участвовали. В большинстве же семей желание детей «быть как все», участвовать в коллективных практиках и ритуалах школьной жизни находило понимание со стороны взрослых. Загруженность родителей на работе, превалирование общественного воспитания над домашним и неафиширование взрослыми взглядов, расходящихся с официальной идеологией, становились причиной индифферентного отношения школьников к церкви. Тем не менее, на ключевых моментах религиозного воспитания родители могли настоять: заставить выучить молитву «Отче наш», соблюсти однодневный пост вместе со всей семьёй перед Пасхой, совершить исповедь и причастие. Традиция исповеди и причащения (евхаристии) не реже одного раза в год соблюдалась во многих семьях Печорского района во второй половине XX в. В д. Залесье, например, школьников исповедовали и причащали в последний день летних школьных каникул перед началом нового учебного года. Отрывочные сведения о специфике детской исповеди позволяют судить в целом о её снисходительном характере и проговаривании детьми формулировки «Грешен, батюшка». Подготовка к причастию подразумевала утреннее «постничество» перед посещением храма; многодневные посты школьниками не соблюдались.

Илл. 2. Ученицы Печорской лингвистической гимназии (бывшей эстонской школы) в национальных костюмах сету, 2007 г., фото автора.

Исходя из всего вышеперечисленного, можно констатировать наличие двух внешне противоречащих друг другу мировоззренческих позиций, которые сосуществовали во взрослеющем индивиде.

Кардинальные изменения в вопросе о религиозном образовании и воспитании в СССР произошли в конце 1980-х – начале 1990-х гг. На постсоветском пространстве возобладали кооперационная модель отношений между государством и религиозными структурами. В Печорах воспитательную инициативу взял на себя Псково-Печерский монастырь в лице архимандрита Тихона Секретарева (с 1992 г. – катехизатора, с 1995 г. – наместника монастыря)². В 1990-е гг.

монастырём были задействованы все возможные способы влияния на население: радио, печатные издания, экскурсии, лекции, беседы, познавательные занятия, выездные лагеря, игры. Наряду с созданием внутрицерковной образовательной инфраструктуры – воскресной школы с разнообразными кружками (рис. 4), детско-юношеского хора и иконописного класса, в Печорах шёл активный поиск точек соприкосновения церкви и постсоветской школы. «Когда он [наместник] ходил по урокам биологии, там происхождение мира, всё, он очаровал всех этих учителей» (М.Н.С., русская, Изборск, 2016 г.). Во многих начинаниях монастырь выступал в качестве спонсора и находил поддержку местной администрации. В 1999 г. было

создано Печорское православное педагогическое общество и проведена первая, ставшая ежегодной, научно-образовательная конференция «Корнильевские чтения». Занятия в школах и детских садах проходили по письменному разрешению родителей. Арсенал методик педагогов «православных групп» дошкольных учреждений включал чтение произведений современных православных авторов (например, сказок Б. Ганаго), знакомство с церковными праздниками через рукоделие, обязательные встречи с представителями духовенства. Восприятие дошкольниками поданного материала отражалось в поистине детской непосредственности поведения: *«...спать укладываются и из-под одеяла тихонечко меня вот так перекрестят»*. (Е.В.Ц., бывший воспитатель детского сада, Печоры, 2016 г.) В школах проводились факультативные уроки Закона Божия: *«...читали хором молитву “Отче наш” <...> Многие дети знали ё, а остальные выучили и запомнили»* [Секретарев, 2007, 583]. В начале XXI в. эта модель была несколько изменена в соответствии с государственной концепцией духовно-нравственного воспитания на базе общенациональных ценностей в духе толерантности. В Печорском районе начала работать программа «Истоки», разработанная проф. А.В. Камкиным (Вологда) и проф. И.А. Кузьминым (Москва) [О программе, <http://www.istoky-co.ru/main.php/>]. Целью программы, представленной её идеологами как внеконфессиональная система освоения детьми *«ведущих ценностных ориентаций отечественной цивилизации»*, ставится не просто внедрение знаний, а создание социокультурной среды. Несмотря на отсутствие упоминаний о православии в рекомендациях по применению программы [Рекомендации, <http://www.istoky-co.ru/main.php/>], из них же самих следует неизбежность апелляции к базовым понятиям православной культуры. *«Там нет о религии ничего, хотя говорить о Боге – неизбежно»* (игумен Хрисанф, руководитель направления по работе с образовательными учреждениями района от монастыря, Печоры, 2016 г.). В 2016 г. программа действовала во всех дошкольных образовательных учреждениях города и в двух школах из трёх (в 1–5 классах с перспективой постепенного внедрения в старшей школе). Со слов самих педагогов, случаи отказа от программы (она является факультативом) единичны и связаны не с секулярным мировоззрением родителей, а с их неправославной идентичностью. Что касается установленного в 2012 г. обязательного урока «Основы религиозных культур и светской этики» в четвёртых классах, то в школах Печорского района он представлен исключительно модулем «Основы православной культуры», а обыватели, как правило, даже не знают о возможной альтернативе. Причём с позиции катехизаторской деятельности монастыря этот урок оценивается скорее негативно, как половинчатая мера, не способствующая формированию у ребёнка целостной мировоззренческой картины. В Печорах осуществляется практика курирования детских учреждений представителями монастыря, которые активно способствуют внедрению истоковедения в «умы и души» населения.

В целом, печорский вариант решения вопроса о месте религии в образовательных учреждениях на рубеже XX–XXI вв. соответствовал общероссийской ситуации этого периода – времени поиска новой национальной идеи, активизации религиозных организаций, введении уроков по православию на региональном уровне, а затем замене их более лояльными (с точки зрения общественности и буквы закона) уроками духовно-нравственного воспитания [Ожиганова, 2017, 19; Шахнович, 2013, 100–101]. Локальное отличие заключается в наличии мощного ресурса Псково-Печерского монастыря.

Результатом всех вышеперечисленных мер можно назвать повышение уровня религиозного самосознания и образования в сфере православной догматики у местного населения. В некоторых семьях даже возродились старинные

Илл. 3. Архимандрит Тихон, наместник Псково-Печерского монастыря, 2007 г., фото автора.

практики домашнего благочестия, например, чтение вслух молитвы перед едой. Педагоги, не имевшие ранее возможности публично афишировать свою религиозную идентичность, начали посещать храм. Однако далеко не все инициативы и изменения в культурной жизни района находят поддержку у населения – в интервью звучат нотки недовольства *«засильем московской педагогической тусовки»*, противопоставляется местная «живая» традиция действиям претендующих на роль наставников приезжих неофитов (активно скупавших жильё в районе в 1990-е гг.), также высказывается мысль о превращении самого монастыря в некий бизнес- и туристический центр. Молодёжь определяет себя скорее «захожанами», чем прихожанами церквей. Основной костяк приходского актива составляют люди старше пятидесяти лет. Наблюдения 2016–2017 гг. накануне Рождества Иоанна Предтечи (6 июля) в Печорах наглядно показали расстановку приоритетов молодых людей: в храмах были единицы, все остальные – на празднике Ивана Купала, организованном местной администрацией. Результаты выборочного блиц-опроса присутствовавших на гуляниях следующие: из 16 опрошенных в возрасте 16–30 лет только один информант назвал себя атеистом, остальные признали «правильность» посещения церкви в этот праздник, сослались на собственную занятость в будни и выразили теоретическую готовность присутствовать на богослужении в выходные дни. *«Любому деянию нужен настрой и возраст; пройти определённый этап. В молодости – танцы. В старости – церковь»* (Н.В.Р., русский, 1947 г.р., Печоры, 2016 г.). Исходя из рассуждений представителей старшего послевоенного поколения, основанных на их личном опыте, результаты полученного в детстве религиозного воспитания проявляются не в молодёжном, а в более зрелом возрастном периоде. Микрокосм, сформированный ландшафтом и семьёй, рано или поздно выходит наружу.

Полученные эмпирические данные позволяют сделать вывод о существовании специфической модели религиозного воспитания на территории, находившейся до 1940 г. (а учитывая немецкую оккупацию – до августа 1944 г.) вне сферы влияния СССР. Эта модель формировалась и трансформировалась в соответствии с историко-политическими реалиями XX века. На смену наставнической триаде «церковь – школа – семья» пришла секулярная педагогическая система советского образца, которая сосуществовала с местной церковной традицией и была заменена в постсоветский период внедрением религиозных знаний в общекультурном аспекте де-юре и как основы мировоззрения де-факто. Население Печорского района, активно включённое в процесс советизации лишь после Второй мировой войны, было «инфицировано» Псково-Печерским монастырём. Трансмиссия церковной традиции осуществлялась как на межличностном уровне (аудиально, визуально, вербально), так и имплицитно при помощи образов и вещей, окружавших ребёнка. Соотношение между фоновым и направленным влиянием определялось характером воцерковлённости конкретных семей, личными убеждениями родителей и их представлениями об уместности вовлечения детей в церковно-приходскую жизнь, внутрисемейными традициями, интересами самого ребёнка и т.д. Для глубинного понимания трансформации сознания относительно религиозного поведения необходимо брать в фокус не эпоху с соответствующим трендом на идеологию, а жизненный цикл человека, – тогда становится понятно, что в период созревания и угасания индивида доминирующую роль играет механизм преемственности. Специфика локального религиозного воспитания на современном этапе определяется не только сложившимися (не разрушенными до основания в советский период) приходскими и семейными традициями, позицией местной администрации, отражающей общеполитическую ситуацию, и активной деятельностью Псково-Печерского монастыря – обладателя финансовых, кадровых и идейных ресурсов, но и харизмой отдельно взятых личностей.

Библиографический список

1. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 120. Л. 5–7.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). Ф. Р-1776. Оп. 1. Д. 185. Л. 16.

3. Государственный архив новейшей истории Псковской области (ГАНИПО). Ф. 450. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 17.
4. Калинина, О.В. Религиозная жизнь селу и русских Печорского района Псковской области в условиях антицерковной государственной политики 1950–1970-х гг. / О.В. Калинина // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые международные Шёгреновские чтения. – СПб., 2018. – С. 253–264.
5. Келли, К. «Школьный вальс»: повседневная жизнь советской школы в послесталинское время / К. Келли // Антропологический форум. – 2004. – № 1. – С. 104–155.
6. Маслинский, К.А. Правила поведения в советской школе. Часть 1: Слово государства в устах учителя / К.А. Маслинский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2015. – № 1 (36) – С. 56–72.
7. Ожиганова, А. Преподавание религии в школе: поиски нейтральности и «культурные войны» / А. Ожиганова // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 4 (35). – С. 7–30.
8. О программе «Социокультурные истоки» // Издательский дом «Истоки» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istoky-co.ru/main.php/> (дата обращения 10.06.2018).
9. Рекомендации по применению программы «Социокультурные истоки» в Федеральном государственном образовательном стандарте // Издательский дом «Истоки» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istoky-co.ru/recomend.php/> (дата обращения 10.06.2018).
10. Религиозные практики в современной России: Сборник статей / под ред. К. Русселе, А. Агаджаняна. – М.: Новое издательство, 2006. – 400 с.
11. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Том 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская и Тульская губернии. – СПб.: ООО «Деловая полиграфия», 2008. – 600 с.
12. Секретарев, архимандрит Тихон. Церковно-исторический очерк о преподавании Закона Божия в учебных заведениях г. Печоры в XX веке и духовно-просветительской деятельности монастыря. Доклад на VII Корнилиевских чтениях / архимандрит Тихон Секретарев // Врата небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. – Печоры, 2007. – С. 573–586.
13. Федоров, А.В. Массовое медиаобразование в СССР и России: основные этапы / А.В. Федоров, И.В. Чельшева, Е.В. Мурюкина, О.И. Горбаткова, М.Е. Ковалева, А.А. Князев / под ред. А.В. Федорова. – М.: МОО «Информация для всех», 2014. – 267 с.
14. Фишман, О.М. История, опыт, стратегия и перспективы полевой работы отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея / О.М. Фишман // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгреновские чтения. – СПб., 2008. – С. 39–52.
15. Шахнович, М.М. Современные проблемы религиозного образования / М.М. Шахнович // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. – 2013. – Вып. 1. – С. 98–107.
16. Kallas, O. Einiges über die Setud / O. Kallas // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1894. – Dorpat; 1895. – P. 81–105.
17. State Secularism and Lived Religion in Russia and Ukraine / ed. by C. Wanner. – N.Y.: Oxford University Press, 2012. – 304 p.

Текст поступил в редакцию 19.06.2018.

¹ В настоящей статье автор воздерживается от обсуждения вопроса о «народной религиозности». Исчерпывающая библиография по этой теме касательно Псково-Печорского края содержится в сборнике Inimese muuseumi ekspeditsioonid Eestisse Boris Vilde ja Leonid Zurov Setomaal (1937–1938). / Т. Benfoughal, O. Fišman, H. Valk. Tartu 2017, Lh. 723–736, 752–763.; готовится издание на русском языке.

² Поскольку настоятелем Псково-Печерского монастыря является правящий архиерей Псковской епархии, то духовное лицо, осуществляющее фактическое руководство монастырём, носит звание наместника.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Pskovskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Pskov Region]. Fund R-1776, inventory 1, file 120, fol. 5–7 (in Russian).
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Pskovskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Pskov Region]. Fund R-1776, inventory 1, file 185, fol. 16 (in Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Pskovskoy oblasti (GANIPO)* [State Archive of Contemporary History of Pskov Region]. Fund 450, inventory 1, file 16, fol. 17 (in Russian).

4. Kalinina O.V. *Severo-zapad: etnokonfessionalnaya istoriya i istoriko-kulturnyy landshaft. Sedmye mezhdunarodnye Shyegrenovskie chteniya* [North-West: ethnoconfessional history and historical and cultural landscape. Seventh international Shyegren's readings]. St. Petersburg, 2018, pp. 253–264 (in Russian).
5. Kelli K. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum]. St. Petersburg, 2004, no. 1, pp. 104–155 (in Russian).
6. Maslinskiy K.A. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta* [St. Tikhon's University review]. Series 4: Pedagogy. Psychology. Moscow, 2015, no 1 (36), pp. 56–72 (in Russian).
7. Ozhiganova A. *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State. Religion. Church in Russia and Abroad]. Moscow, 2017, no 4 (35), pp. 7–30 (in Russian).
8. *O programme «Sociokul'turnye istoki»* [About the program "Sociocultural origins"]. Available at: <http://www.istoky-co.ru/main.php/> (accessed June 10, 2018) (in Russian).
9. *Rekomendatsii po primeneniyu programmy «Sociokul'turny'e istoki» v Federal'nom gosudarstvennom obrazovatel'nom standarte* [Recommendations on the application of the program "Sociocultural origins" in the Federal State Educational Standard]. Available at: <http://www.istoky-co.ru/recommend.php/> (accessed June 10, 2018) (in Russian).
10. *Religioznye praktiki v sovremennoy Rossii: Sbornik statey* [Religious practices in contemporary Russia: collected articles]. Eds. A. Russele, A. Agadzhanian. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006, 400 p. (in Russian).
11. *Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nравy. Materialy «Ehtnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva»* [Russian peasants. Living. Everyday life. Morals. The materials of the "Ethnographic Bureau" of prince of V.N. Tenishev]. Vol. 6. St. Petersburg: Delovaya poligrafiya, 2008, 600 p. (in Russian).
12. Sekretarev arkh. Tikhon. *Vrata nebesnye. Istoriya Svyato-Uspenskogo Pskovo-Pecherskogo monastyrya* [The gates of heaven. History of Pskovo-Pechersky Dormition monastery]. Pechory, 2007, pp. 573–586 (in Russian).
13. Fedorov A.V., Chelysheva I.V., Muryukina E.V. Gorbatkova O.I., Kovaleva M.E., Knyazev A.A. *Massovoe mediaobrazovanie v SSSR i Rossii: osnovnye etapy* [Mass media education in the USSR and Russia: the main stages]. Eds. A.V. Fedorov. Moscow: MOO «Informatsiya dlya vseh», 2014, 267 p. (in Russian).
14. Fishman O.M. *Etnokonfessionalnaya karta Leningradskoy oblasti i sopredelnykh territoriy. Vtorye Shyegrenovskie chteniya* [Ethnoconfessional map of the Leningrad region and neighbouring territories. Second Shyegren's readings]. St. Petersburg, 2008, pp. 39–52 (in Russian).
15. Shakhnovich M.M. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [St. Petersburg State University Bulletin]. Series 17: Philosophy. Conflictology. Culturology. Religious Studies. St-Petersburg, 2013, no. 1, pp. 98–107 (in Russian).
16. Kallas O. *Something about Setus* [Einiges über die Setud]. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1894. Dorpat, 1895, pp. 81–105 (in German).
17. *State Secularism and Lived Religion in Russia and Ukraine*. Ed. by C. Wanner. N.Y.: Oxford University Press, 2012, 304 p. (in English).